

Ты взвешен на весах... Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru  
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке  
<http://granikdaniel.ru/> Приятного чтения!

Ты взвешен на весах... Даниил Александрович Гранин

Хоронили художника Малинина. Было людно, что удивило Щербакова. Гроб стоял в зале, там происходило движение, приносили цветы, венки, при этом у самого гроба возникла толкотня, все старались разглядеть покойного. Разглядывали с любопытством почти неприличным, даже недоверием. И сам Щербаков испытывал примерно то же, поскольку давно не числил Малинина в живых. О Малинине каким-то образом позабыли, и, оказывается, прочно, поэтому то, что он умер только сейчас, воспринималось с недоумением. В дальнем углу играло трио. Между зеркал, завешанных холстами, висел в траурной раме фотопортрет Малинина с орденами и лауреатскими значками. Сами они, поблескивая, лежали тут же на красных подушечках, Малинин же лежал отдельно, повыше, среди цветов и венков. Приехало начальство, похороны сразу обрели значительность, и уже не было места недавнему смущению.

Когда Щербаков встал в почетный караул, он увидел Малинина рядом, но не узнал его. Задрал седую бороденку, которой на портрете не было, сухонький старичок с каменно-ожесточенным смуглым лицом жмурился не то от сильного света, не то от любопытных взглядов, в последний раз устремленных на него. Совсем Малинин не был похож на того величаво-благодушного мэтра, которого Щербаков помнил по институту, привыкшего к вниманию, уверенного в своей безошибочной руке. Тот Малинин был насмешлив, весел, окружен сиянием успеха. Таким он и возникал в речах, что произносились над ним одна за другой. Ораторы смотрели то на покойника, то на бумажки, как бы не доверяя своим глазам. Перечисляли награды, должности, названия некогда нашумевших выставок и картин. Из всего этого количества следовало, что Малинин заслужил славу большого художника, выдающегося, замечательного. Некоторые его картины действительно помнились Щербакову до сих пор со всеми деталями; вспомнил он и то, как Малинин приглашал его зайти к себе в мастерскую, а Щербаков постеснялся, не пришел; жил рядом, выходит, с таким художником, может быть, классиком – и не понимал. Выступила женщина из Министерства культуры. Говорила она без бумажки, проникновенно, о жизни, наполненной служением искусству, и Щербаков впервые взгрустнул. Но на словах «сколько красоты мог еще дать людям его талант» голос ее прервался, и тогда Щербаков вспомнил, что этот прерывистый вздох вместе с этими словами он услышал от нее же на похоронах режиссера их театра. Он оглянулся. Неподалеку стояли Андрианов и Фалеев, они обсуждали, кого ввести в худсовет вместо покойного. Спорили они тихо, сохраняя на лицах скорбное выражение. На других лицах было такое же изображение скорби. Одинаковость этого выражения заинтересовала Щербакова, секрет тут, очевидно, в том, думал он, что чувство это неискреннее, потому что искренние чувства несхожи и у каждого они должны выражаться по-своему. Заиграл оркестр. Траурная мелодия поднялась над гробом, над венками, подушечками, и в зале впервые повеяло тайной человеческой смерти, ее вечной загадкой.

На кладбище поехало совсем немного народа. Хватило двух автобусов, остальные пришлось отпустить. Ехали долго. Долго стояли у переезда. Дождь перешел в снег. Крупные хлопья таяли в желтых лужах. В автобусе говорили о болезнях, обсуждали, почему Малинин последние годы не выставлялся, одни считали, что у него был кризис, другие, что он болел. Щербаков досадовал на себя за бесхарактерность. Когда гроб понесли из зала, большая часть публики куда-то пропала, непонятно было, как могло сразу исчезнуть столько людей. Те, кто замешкался, боком пробирались мимо администратора – Нины Гургеновны, которая громко приглашала в автобусы. Осмотрев сидящих там, она пожаловалась Андрианову: все старики, кто же гроб нести будет?

Андрианов покачал головой:

– Ни стыда, ни совести.

На нем было новенькое пальто коричневой кожи, оно ярко блестело, и весь он, высокий, плечистый, блестел здоровьем и приветливостью.

– Вот Щербаков поедет. Верно?

– О чем разговор, – сказал Щербаков и полез в автобус.

Сидя в автобусе, он видел, как Андрианов поднял зонт, нажал кнопку, черный купол раскрылся, Андрианов под ним проводил Нину Гургеновну к передней машине, сам же отправился куда-то своей легкой походкой. Щербаков ругал себя, но отказать Андрианову не мог. Со студенческих времен он признавал первенство Андрианова и привык подчиняться ему. Андрианов был гордостью их выпуска. Впрочем, успех его не имел прямого отношения к его дарованию. Скорее он был обязан счастливому своему характеру, а еще точнее натуре, потому что характер Андрианова определить было трудно, зато имелись качества, привлекавшие к нему всех, – веселость, ровная приветливость со всеми, готовность помочь, и в то же время была цепкость, уверенность в себе, он умел держаться с начальством с достоинством человека талантливого, и начальство его уважало.

Земля на кладбище раскисла. Гроб был тяжелый. Щербаков нес и смотрел себе под ноги, боясь поскользнуться.

За железными прутьями кладбищенской ограды раскинулась стройка. Там в синем дыму рычали панелевозы. Длинные жилые корпуса наращивали третий этаж. Кран медленно опускал квадрат стены с готовым окном. Сквозь запыленное стекло навывлет скользило серое косматое небо. Панель встала на место, и Щербаков подумал, что отныне из этого окна всегда будет видно кладбище, похороны, кресты и обелиски. Ничего плохого в этом нет, думал он, зря кладбища стараются отодвигать подальше, на окраины, зря чураются их. Лично он сохранял бы небольшие кладбища посреди города. Чтобы помнить о бренности жизни. Чтобы хоронили при всех, чтобы водили школьников для размышлений; как это у Пушкина – младая жизнь чтобы играла у гробового входа. Смерть надо использовать для улучшения человека. Мысли эти нравились Щербакову. Когда-нибудь, когда ему не надо будет служить в театре и он не будет зависеть от заказов, он напишет серию акварелей – разные кладбища, могилы. Надгробья – заброшенные, ухоженные, пышные, тщеславные... Не смерть я воспеваю, а жизнь, скажет он, если его станут обвинять... Занятый своими мыслями, он не заметил, что происходило некоторое замешательство – Нина Гургеновна не могла найти кого-то, кто должен был заключать церемонию. Из-за непогоды народу убыло, некоторые ушли в автобусы. Щербаков очнулся, когда Нина Гургеновна взяла его под руку, умоляюще зашептала. Он совершенно не был готов выступить; в сущности, на похороны он попал случайно, его послали от театра возложить венки. Он хотел все это объяснить Нине Гургеновне, но в этот момент между ними втиснулся какой-то пожилой толстяк с фотоаппаратом на животе и попросил у Нины Гургеновны разрешения выступить. Толстые очки его сползли на кончик потного носа, он смотрел с таким волнением и мольбой, что Нина Гургеновна мгновенно насторожилась. «Челюкин?» – переспросила она, фамилия эта ей ничего не говорила, и Нина Гургеновна решительно отказала – уже поздно, сейчас, в заключение, от молодых, от учеников слово имеет Щербаков, и тут же объявила его.

Щербаков испугался, и, как ни странно, при этом его не зажало, наоборот, на него словно накатило и понесло – про Малинина, которого он знал так мало, хотя мог знать лучше, да вот упустил, про то, что, кроме художника Малинина, картины которого останутся, был еще человек Малинин и умер-то как раз человек, которого не сведешь к картинам. А теперь, когда его не стало, окажется, что человека не знали, никто не знал его...

С чего это он взял, причем с уверенностью, которой ему всегда не хватало.

Впрочем, его не слушали. Жались под зонтики, тоскливо переминались с ноги на ногу. Смотрели на него безучастно, незряче. Могильщики готовили веревки. И вдруг среди этой холодной измороси Щербаков ощутил чье-то устремленное к себе внимание. Он не сразу нашел этот огонек в подслеповатых красных глазах. Там, за стеклами очков, что-то разгоралось навстречу каждому его слову с каким-то мучительным восторгом. И Щербаков говорил уже только для этого толстяка, как его – Челюкина? – который стоял, сняв берет, и снег вместе с дождем падал на его лысину.

Стали забивать крышку гроба, все зашевелились, и вот тут этот Челюкин заплакал. У него даже вырвалось рыдание тонким птичьим вскриком. Он удерживал себя и не мог удержать. Отчаянный этот крик получился неуместным... Принялись сморкаться, всхлипывать какие-то старушки, плакали они тихо, прилично, скорее над собственной близостью к смерти. Вытирали глаза, щеки, но, может, мокрые от

Ты взвешен на весах... Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru дождя. Челюкин схватил фотоаппарат и стал беспорядочно наводить и щелкать. Слезы быстро катились по его бледным щекам. И такое горе было в этих слезах, которые он никак не мог скрыть, что Щербаков опустил голову, было неудобно за Челюкина, за озябшую смущенную кучку людей, за торопливость, с которой забрасывали могилу.

С кладбища поехали на поминки. Щербаков продрог и поехал вместе со всеми, мечтая выпить водочки.

Стол был накрыт в мастерской Малинина. Огромная, запущенная – потолок в потеках, стены облупленные – мастерская тем не менее восхитила Щербакова своим простором, антресолями, куда вела дубовая лестница. Продуманные удобства сочетались с добротностью, размахом – чего стоили полки для красок, бронзовые ручки, выдвижные рамы стеллажей, ступени, обитые медью.

Вокруг стола хлопотали двоюродные сестры Малинина. Народ прибывал, толпились у раковины, большой, синего фаянса, мыли руки. Появились Андрианов, Фалеев с Аллой и с дамой из министерства. Когда расселись, рядом с Щербаковым сел Челюкин. Первую, как положено, выпили не чокаясь за светлую память. Щербаков сразу же повторил и принялся закусывать. Принесли горячую картошку, куски вареного мяса, рисовую кашу с изюмом. При чем тут каша, Щербаков не понял. «Кутья» – подсказал ему Челюкин, который воспринимал все с благоговейной серьезностью. Стол дымился, поблескивая хрусталем, зеленью овощей, протертыми, лоснящимися помидорами. Свежесть и яркость стола никак не вязалась с тусклыми, немывыми окнами, с нежилой затхлостью, видно, давно заброшенного помещения. Всем это бросалось в глаза. И тут выяснилось, что никто из присутствующих в последние годы не заходил сюда, в мастерскую. Это было непонятно, потому что раньше посещали ее часто. Сидели допоздна, пели, пили, выясняли, кто как пишет. К Малинину тянулись, он помогал, подсказывал, он имел множество должностей, от которых отказывался, отбивался, страдал и все же возглавлял, входил... Он любил свою общественную деятельность – вроде суетную, пустую, но необходимую его темпераменту. Работал он в этой мастерской быстро, легко успевал участвовать во всех выставках. Написал сотни картин, тысячи листов графики... И вот почему-то все это оборвалось. Малинин перестал выставляться. Новых работ его не видели, никто о них не слышал. Он отказался от персональной выставки в Манеже. Отказ его произвел впечатление. Полагали, что он что-то пересматривает, ищет, может, у него что-то не задалось. Все реже он показывался в Союзе художников, куда-то пропадал. К телефону не подходил, на письма не отвечал. Незаметно от него отвыкли, он затерялся.

В искусстве тот, кто не напоминает о себе, быстро перестает существовать. Считалось, что Малинин есть, он подразумевался, где-то он пребывал, но как бы невещественно, как воспоминание, все более слабое... Щербаков спрашивал одного за другим, и обнаружилось, что в последние годы Малинина вообще не видели, ничего не знали о нем. Всем стало как-то неловко. В этот момент, случайно взглянув на Челюкина, Щербаков поразился напряженной его позе: Челюкин втянул голову в плечи, застыл, словно затаился.

– Вы-то видались с Малининым? – спросил Щербаков.

Челюкин, вздрогнув, посмотрел на него долго, нерешительно, и не ответил.

– Большой художник нуждается в молчании, в паузе, – заговорил Фалеев. – Возьмите Гогена, Александра Бенуа, Боттичелли, да мало ли. Надо накопить. Молчание – это очищение, катарсис. Малинин вынашивал новый взлет.

Речь его звучала внушительно, успокоенно, и все охотно согласилось с ним, довольные, что можно перейти к другим темам, и разговор рассыпался.

Один Щербаков был раздосадован. Вмешательство Фалеева все испортило. Самоуверенный говорун, который тем не менее умел подавлять людей категоричностью, многозначительными намеками, как бы внушая, что за его словами есть еще что-то, чьи-то суждения, а может, и сведения. Щербаков покосился на Челюкина. Тот тихо спросил:

– Это кто?

– Профессор Фалеев.

– Слышал.

Ты взвешен на весах... Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

– Что же вы слышали?

– Известный искусствовед.

Фалеев сидел наискосок от них и ел чавычу. Сочные губы его были того же густо-красного цвета, что и чавыча, и это было противно Щербакову. Над губами шевелились обвислые черные усы. Фалеев отрастил их недавно, чтобы походить на казака, поскольку с некоторых пор любил упоминать о своем казацком происхождении.

Щербаков не верил ему, может, потому, что Малинин терпеть не мог Фалеева и не стал бы с ним делиться... «Катарсис», «очищение», – и слова эти, и Фалеевская манера произносить их – все было сейчас неприятно Щербакову, и оттого, что Щербаков не мог показать Фалееву этого, потому что боялся его, как и все остальные, от этого он злился еще сильнее.

Сам Малинин, хотя сторонился Фалеева, ссориться с ним избегал. В статьях Фалеева, даже хвалебных, угнетали конструкции, которые он находил в картинах, от его разбора они гибли. Малинин называл его «искусстводав». И то, что Фалеев сейчас присутствовал здесь и нахваливал Малинина, говорил о нем по-хозяйски, все разъясняя, казалось Щербакову кощунством.

– А вы как думаете? Про молчание Малинина? – спросил Щербаков Челюкина.

– Почему молчание. – Челюкин пожал плечами, вздохнул, потом сказал: – А если не было никакого молчания? Может, это другое... Кризис...

Щербаков засмеялся.

– От кризиса не перестают писать, от кризиса становятся начальством, вице-президентом академии, ректором. Да мало ли куда можно податься.

Он сунул в рот горячую картошку и сказал с набитым ртом:

– Какой может быть кризис при такой мастерской. Верстачок в нише – это же игрушка! Багеты. Резные рамы. Работай – не хочу.

Щербакову жизнь Малинина показалась обольстительно-загадочной. Собственно, пока шла жизнь, она казалась ясной, но вот человек умер – и появились тайны. Странно, что смерть так изменила образ человека. Все не прояснилось, наоборот потеряло четкость, суть человека скрылась.

Тем временем Андрианов произносил тост о краткости жизни и переходе к иному существованию. Лицо его было серьезно, но безупречные зубы ослепительно сверкали, стоял он звонко-крепкий, орехово-смуглый, и чувствовалось, что говорить о смерти ему не страшно, даже чем-то забавно. На его предложение выпить за истинных художников, неподвластных времени, рюмки дружно поднялись, и Щербаков ощутил приятную свою причастность к этому бессмертию. Заметив обращенную к нему улыбку Андрианова, он подумал – не попросить ли его насчет мастерской? А что, если этой? Но вздохнул, понимая, что не по чину. Он поскучнел, и Алла через стол подмигнула ему, считая виновником Челюкина: что за хмырь тебе в соседи достался? Челюкин супился, не ел, не пил, поглядывал угрюмо, единственный здесь в черном костюме, в черном галстуке. Была в нем чуждость разговорам, которые составляли общий интерес для всех этих людей. Мелькали громкие имена, излагались мнения о других громких именах, сообщались новости, прогнозы, предположения. О предстоящих выборах в секцию, о кандидатах на премию, о заграничных командировках...

Тяжелое молчание Челюкина мешало Щербакову и говорить, и слушать.

– Вы почему не пьете? – спросил Щербаков.

– Стыдно, – сказал Челюкин.

– Чего?

– Какие же это поминки? При чем тут Митя?

Ты взвешен на весах... Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

– А вы его давно знали?

– Студентами. В одной комнате жили.

– Вот вы и расскажите. Я вас сейчас объявлю.

Щербаков взял ножик, собираясь постучать по тарелке, но Челюкин испуганно схватил его за руку.

– Не надо. Зачем им мешать!

Щербаков заспорил, ему хотелось, чтобы Челюкин выступил, однако слово перехватил Фалеев, заговорил о молодости Малинина, о том, что самые сильные работы были у него в тридцатые годы – поиски формы, эксперимент, модернизм, – да вот не дали ему развернуться, прикрикнули, навалились, запретили, пришлось ему искать иные пути.

– И как это дорого обошлось! А если бы свободно развиваться, самому преодолевать свои юношеские излишества... – говорил Фалеев, ни к кому не обращаясь, но следя за тем, чтобы все его слушали. – Я думаю, – он сделал маленькую паузу, – из споров с другими возникает риторика, из споров с самим собою появляется поэзия!

– Вот это да! – воскликнула Аллочка. – Колоссально!

– Но вы же сами ругали его, – вдруг скрипуче проговорил Челюкин, глядя себе в тарелку. – Вы же писали...

– Я? Когда ж это? – удивился Фалеев.

Все кругом насторожились.

– Вы осуждали его за бесплодные формальные искания молодости. – Челюкин нервно покраснел, натужно поднял голову и продолжал с той же мучительной ему твердостью. – Приводили его как учебный пример. Вот, мол, какие заблуждения одолел, из какого болота выбрался. А теперь, извините, шиворот-навыворот. Хвалите.

Изумление Фалеева было неподдельным: никто никогда не осмеливался говорить ему такое. У него даже рот полуоткрылся. На Челюкина смотрели, будто впервые увидели его. Один Щербаков был в восторге.

– Да откуда вы свалились, да вы понимаете... – начал Фалеев поднимать голос, но вовремя нашелся, расхохотался благодушно, прощая бедного этого старика за то, что позабавил. – Милый вы мой, да как же иначе могло быть. Это только догматики повторяют то же, что твердили двадцать лет назад. Я не догматик. Я, дорогуша, раньше всех, раньше самого Малинина пересмотрел. А тогда мои выступления заслонили его, сохранили, иначе бы ему устроили мясорубку. Да разве бы ему простили!

Челюкин поднялся, на выпирающем животе у него торчал фотоаппарат:

– Неблагородно! – Он покраснел еще сильнее. – И неправда!

Он вышел из-за стола. Шея его блестела от пота. Уже в дверях, со странной для его толщины ловкостью он извернулся, мгновенно наставил объектив на Фалеева, щелкнул, кляцнув затвором, будто выстрелил, и исчез.

Некоторое время стояла ошеломленная тишина.

– Псих, – твердо определил Фалеев. – Откуда он взялся? – Строгий вопрос этот был направлен Щербакову.

– Понятия не имею. Приезжий вроде.

– Физиономия дебила. Типичный чайник. Посторонний человек, – продолжал Фалеев.

Щербаков почувствовал на своих губах улыбку. Маленькая, непрошенная, она не

Ты взвешен на весах... Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru уходила, никак было с ней не сладить. Люди за столом, и стол, и посуда показались комично-плоскими, как на бумаге. Мокрые усы Фалеева, кошачьи его желтые глаза – все можно было свернуть в трубочку. Останутся стены, предвечерний свет из высоких окон...

– Между прочим, этот человек – единственный, кто плакал на кладбище, – сказал Щербаков. – Хотя вы ж не видели. Вас там не было. Вы только сюда явились.

Получалось грубо, и он несколько струхнул. Но виду не подал. Таких, как Фалеев, можно брать только нахрапом...

Щербаков вышел, чуть покачиваясь, стараясь двигаться по идеальной прямой. Длинный коридор уводил его в глубь малининской квартиры. Сундуки, велосипеды на стене, ниши... Он толкнул какую-то дверь с матовым стеклом, очутился в полукруглой комнате. Там было полукруглое окно, скошенный потолок с темными потеками, стены, заставленные книжными полками. Посредине овальный стол карельской березы, подле него высокое кресло, обтянутое малиновым бархатом. Желтый свет голой лапочки делал все тусклым, пыльным.

На полу у окна прислонены были три небольших холста. Перед ними на четвереньках ползал Челюкин.

– Вот вы где, – сказал Щербаков.

Челюкин не ответил. Шлепая руками, он передвигался от одной картины к другой, умиленно сопел, пофыркивал, похожий на черного пуделя.

Портрет девушки, портрет старухи, дачный интерьер – все три вещи исполнены красиво, легко, с той чуть детской угловатостью, которая отличала малининский рисунок. Щербаков хорошо знал эту соблазнительную манеру, которой он долго подражал и от которой еле избавился.

Челюкин отполз, приладил фотоаппарат, сделал несколько снимков с картин.

– Чего вы пачкаетесь? – сказал Щербаков. – Все и без вас будет заснято. Фалеев позаботится. Альбомы изготавит, монографии будут. Улицу назовут.

Фотовспышка молниевое высветила дальние углы, следы ног на пыльном полу. Щербаков обиделся: Челюкин даже не взглянул на него.

– И что это в них такого вы обнаружили? – ядовито спросил Щербаков. – Такие Малинин пек одну за другой. – Из-за Челюкина Щербаков покинул поминки, надерзил Фалееву, а этот Челюкин и в ус не дует. – Улицы Петрова-Водкина нет, улиц Лентулова нет, а улица Малинина будет. Очень он подходит для классика. Всех устраивает.

Челюкин, пыхтя, поднялся, отряхнул колени, сказал кротко:

– Напрасно вы... Малинин – великий человек.

– Ух ты! Чем же он великий? Да еще человек! Если художник, то, слава богу, у нас есть мерки. Великий – это Врубель. Великий – Пикассо. – Щербаков тонко усмехнулся. – Так что не будем заниматься приписками. Мастер он хороший...

– Вы кто, художник? – спросил Челюкин.

– Да. И что? – с вызовом начал Щербаков. – Я-то как раз объективен. А вы кто, фотограф?

– Нет. Тоже художник. Бывший. Бывшая бездарность, – спокойно сказал Челюкин и сел в кресло. – Бывший директор художественного училища. – Он подумал. – Заслугу имею перед искусством – не стал художником. Разрисовывал конфетные коробки.

– А зачем фотографируете?

– Исчезает все. Страшно.

– Что исчезает?

Ты взвешен на весах... Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

– Стало вдруг исчезать. Однокашники... Ситный... Лошади...

Он называл вещи, уже неведомые Щербакову, смутные призраки из детства: молочницы с бидонами, крендели, ломовые извозчики, трубочисты, рабфаки... – Жизнь, от которой ничего не сохранилось, – коммиссионки, переполненные старыми картинами, гравюрами, барахолка, где можно было загнать собственную мазню, барахолка-толкучка, шумная, неожиданная, с находками, с толстыми альбомами, рамами, боже, какие там попадались роскошные рамы, там были олифы на льняном масле, кисти соболиного волоса...

Лицо его помолодело. Это был его мир, которого уже не будет; он фотографировал его, пытаясь запечатлеть остатки, последыши.

– С Мити даже маски не сняли. Когда-нибудь спохватятся. Я хоть успел нащелкать. Может, для этого меня судьба задерживает на земле.

Челюкин поймал невольную усмешку Щербакова, не смутился, кивнул, будто того и ждал.

– Вы когда-нибудь лично знали великого человека?

– Не приходилось, – сказал Щербаков.

– Хм, а откуда вам это известно?

– Не понимаю.

– Может, он рядом жил. Или живет. По вечерам вы с ним в картишки играете. Может, он в долг просил? А? Потом, после его смерти, откроется вам, что приятель ваш школьный был великий человек, а вы и не подозревали. Может такое быть?

– Это вы про Малинина?

– ...а вы его поучали, считали, что он дурачок, не умеет жить. Счастья своего не понимает. Господи, как будто я сам умею жить!

Он задышался, нездоровая полнота мешала ему. Бледный, потный, он не обращал внимания на себя, видимо, не дорожа остатками своего существования. Черты лица его расплылись, фигура расплылась, трудно было представить, каким он был в молодости, какой была походка, все заросло, и характер наверняка сместился. Куда? Щербаков разглядывал его без сочувствия к перипетиям челюшкинской жизни, как натуру, как заготовку для какого-то рисунка. Разглядывая людей, Щербаков всегда искал, чем бы тут поживиться, – у одного был интересный разрез глаз, у другого могучие руки. Челюкин был как развалины – но чего?

– ...а как распознать такого? Слава, она только путает. Слава чаще достается ловкачам. Есть ведь величие без славы? – спрашивал Челюкин, глядя мимо Щербакова. – На глубокоом месте вода не бурлит, так ведь? Я его шпынял, вернуть старался на путь истинный. Не понимал, чего ему не хватает. Как можно все завоеванное, добытое трудами – отбросить! Знаете, что он мне в ответ?

– Что? – спросил Щербаков без интереса.

– Чуть что – он начинал петь.

Челюкин вскочил, запел – сипло, фальшиво, с чувством:

Но грозные буквы давно на стене  
Чертит уж рука роковая!

Глаза его заблестели.

– Это он иносказательно! У него все было со значением. В Библии рука роковая кому начертила?

Щербаков пожал плечами.

Ты взвешен на весах... Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru  
– Ну как же, вспомните – царю Валтасару! Вот и Митя считал, что жил он Валтасаром, пировал, пока не прочел на стене знаки.

Ничего такого Щербаков вспомнить не мог. Библию он не читал, хотя не раз собирался, однако с пьяной хитростью стал подманывать Челюкина:

– То царь, а то Малинин. Он не пировал, он работал.

– Главный-то, средний знак что означал, а? – Подойдя к стене, Челюкин поднялся на цыпочки, стал пальцем чертить на ней и произносить торжественно, нараспев: – Ты взвешен на весах и найден очень легким!

Выглядело напыщенно, даже комично, но в словах было что-то устрашающее, опасное.

– Найден очень легким, – повторил Щербаков, встряхнул головой. – Ну и что? Работать-то он почему перестал?

– Не перестал. С чего вы взяли?

– Ага! Я так и думал. Но рука-то роковая была? – азартно спросил Щербаков. – Рассказывайте.

Челюкин непонятно усмехнулся, в руках его появился портфель, обыкновенный раздутый портфель командировочного, откуда были извлечены банка грибов, пол-литра, обмотанные вафельным полотенцем, пластмассовые стопки, ложечка, все это аккуратно и быстро разместилось на краю заваленного бумагами стола. Водка, как предупредил Челюкин, страшная, уральская, не для столичного пищевода, зато дух Мити, по его словам, будет витать здесь, а не над тем застольем.

– Вы в это верите? – спросил Щербаков.

Челюкин не ответил, посмотрел на него с жалостью, как смотрят на калеку.

Водка сивушным своим огнем прожгла все внутренности Щербакова, так что он охнул, протрезвел и вцепился в Челюкина, выясняя тайну малининского исчезновения. Но Челюкин отвечал уклончиво, никак было его не ухватить. Говорил, что тайна эта не его и он не имеет права, говорил, что вообще никакой тайны нет, что все это ребячество, человеком надо интересоваться, потом спросил, зачем Щербакову нужна эта тайна, лучше ее не касаться... Взгляд его при этом заострился, и какое-то неприятное чувство остановило Щербакова.

На столе, за которым они расположились, высился бумажный сугроб. Альбомы, конверты, грамоты, билеты, открытки... Щербаков сунул руку в эту скользкую грудку, вытащил наугад какую-то малининскую репродукцию, красный мандат с печаткой «президиум». Попалась визитная карточка, вырезка статьи, каталог, заграничной выставки. Все было перемешано, видно, искали для похорон подходящую фотографию, документы, ордена. Из раскрытых папок вываливались краснополосые телеграммы, поздравления, подписанные известными когда-то лицами...

Щербаков хмыкал – былые салюты, угасшие огни иллюминации, снятые флаги расцвечивания. Суeta суeta и всяческая суeta.

– Кому это нужно? Зачем копить этот мусор? – сказал он. – Поздравляет товарищ А.Н.Зубарев. А где ныне этот Зубарев? Кто это имя сейчас помнит?

Круглая блестящая голова Челюкина согласно кивала, потом он сказал не споря, как бы соглашаясь.

– Для нас, провинциалов, одна такая бумажечка – ого! Поднимет и вознесет над проблемами быта. Шутка ли – подвал в столичной газете! Репродукция! Билет в президиум – вроде мишура, но какую силищу надо иметь, чтобы отвергнуть. А Митя презрел, отказался.

– От чего ж это он отказался?

– От всего.

– Не знаю, не знаю.



Ты взвешен на весах... Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

– От самого главного отказался.

– Чего вы темните?

Челюкин понюхал свою стопку.

– А вам зачем это?

– Сами виноваты. Великий, великий, а доказать не можете. Если великий, так чего ж скрывать? Все это труха, – Щербаков махнул рукой, и так решительно, что Челюкин забеспокоился.

– Допустим, я скажу вам, что Малинин скрылся, стал работать под чужим именем, так вы ж не поверите, верно?

– От кого скрылся? Чушь какая-то. Вы серьезно? Что за смысл?

– Никакого смысла, – с живостью подтвердил Челюкин. – Абсурд, я тоже так считал.

– Когда ж это случилось? С чего он?..

– После смерти жены. Надю знали? – Он стал рассказывать, как покойница обожала Малинина, как строила мастерскую.

Все эти подробности в тот момент казались Щербакову лишними, только мешали выяснить главный вопрос – зачем же от своего имени отказываться, от такого имени?

– Вот именно, совершенно точно, – соглашался Челюкин и снова продолжал о приезде к нему Малинина, тоскующего, ушедшего в себя.

– Стал он чинить нашу халупу на садовом участке, поселился там.

Пьянея, Челюкин распрямлялся, кончик носа его засветился красным цветом, взгляд очистился.

– Представляете: никому не известный пожилой работяга в ватнике приносит свои картины, а? Никто понятия не имеет, что это Малинин. Неизвестная подпись. Да и картины-то совсем непохожие.

– Как же он мог соблюсти? Чтобы никому – ничего?

Челюкин легко отмахнулся.

– Нет, вы отвечайте, вы лично могли бы так? – и вперился маленькими глазками, где разгорался огонек. – Вы на себя примерьте и скажите.

– А зачем мне, зачем? – выкрикнул Щербаков.

– Ха, тут много может быть. – Челюкин приставил к груди Щербакова палец. – Чтобы никаких льгот и поблажек. Годится? Преимуществ имени и славы – чтобы не было их. Или, допустим, чтобы отвязаться от своих штампов. Вот вы, например, вы уже сложились. И вам надоело, вы хотите иначе, вам надо вырваться, отвязаться от себя.

– Да вырывайтесь, кто вам мешает, только зачем от себя отказываться?

– Я его тоже про это спрашивал... Я ему говорил: художник должен самим собой оставаться. Развивайся в любую сторону. Расти, как дерево, но чтобы корни были одни. А если я не деревом хочу быть, говорит он, а рощей, тогда что?

– Не понял.

– Сегодня одним, затем другим, если, говорит, во мне много разных людей, которых можно осуществить, тогда как?

Палец сильнее уткнулся в живот. Щербаков отстранился, разговор этот затягивал,

Ты взвешен на весах... Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru  
что-то неприятное, даже опасное было в нем.

– Вы не вернетесь туда, к столу? – спросил Щербаков.

Челюкин посмотрел на него, понимающе усмехнулся.

– Да-да, вы идите.

От приставленного пальца внизу под ложечкой остался сосущий холодок. Проклятый вопрос этого толстяка словно затягивал в водоворот. В самом деле, мог бы он, Щербаков, автор уже отмеченной дипломной работы и трех спектаклей, мог бы он... начать подписывать вместо Щербакова... Даже передергивало от любой чужой фамилии.

Челюкин дожевывал грибок, спросил:

– Вы ничего не заметили в этих картинах?

– С какой стати я буду менять свою подпись, – сказал Щербаков. – Нет уж, извините. Искать себя – это я понимаю. Но – себя. Быть верным себе.

– Вы посмотрите внимательно, – продолжал Челюкин, не слушая его. – Откуда свет и куда падают тени. Нелепица. Он давно искал...

Щербаков нетерпеливо дернул плечом.

– Все это известно, лучше скажите – что ему дало это? Сменил он фамилию – и что?

– Вот вы чем все проверяете. – Челюкин покивал облезлой своей головой. – Результатом. Что с этого можно иметь. Главная нынешняя идея жизни. А ничего. – Он театрально поклонился, развел руками. – Одни потери. Не устраивает?

– Но для чего, для чего? – все более возбуждаясь, крикнул Щербаков.

– Мистификация это. Одурачить хотел. – Челюкин говорил быстро, тихо, поглядывая куда-то вверх. – Если бы он не умер, получилось бы два больших художника. Не успел достигнуть до второго. А то представляете себе, какой бы вышел скандал? Два классика. – Челюкин хихикнул. – Две улицы... На самом деле все не так. Оброс он заученностью. Талант стал техникой. Надоел сам себе. А впрочем, может быть, не тупик, а вершина. Добрался до вершины – дальше куда? Вот он и спрыгнул. – Челюкин зашел к Щербакову сбоку, заглянул в глаза. – А может, тут совсем другое... Перед ним новая идея замаячила: писать то, чего не хотят видеть другие. Каково? То, что на самом деле творится у вас в душе, под вашими румяными щечками. А? Или кругом нас. Вся изнанка жизни, весь хаос, все скрытые чувства. Страшненько? – Он потер ладоши, опять обошел вокруг Щербакова. – Фактически-то я не поверил. Чтобы певец красоты и радости жизни так перестарался? Тут совсем другая причина должна быть.

От всей этой путаницы у Щербакова кружилась голова.

– Какого же черта вы меня морочите! – Он схватил Челюкина за отвороты пиджака, чтобы перестал мелькать перед глазами. – Я же с самого начала добиваюсь: какая причина?

– Вам тайну любопытно раскрыть. Что вам Митя!

– Будете вы говорить?

Щербаков затряс его, голова Челюкина податливо моталась и крохотная усмешечка тоже моталась по бледному его лицу. Сам он оказался легким, мягким.

– Чего говорить-то. Не знаю я ничего, – тихо и обессиленно признался Челюкин. – Упустил.

– Что упустил?

– Хотел он как-то открыться. А я отверг.

– Почему же?

Ты взвешен на весах... Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

Челюкин поправил очки, сказал покорно, как на допросе:

– В очередь побежал. Сосиски давали.

– При чем тут сосиски?

– Плевать мне было на его философию. Я ему нарочно – на-кася, пошла нашего хлебни после твоих столичных разносолов.

– О чем же он сказать хотел?

Челюкин пожал плечами.

– Так и не узнал. И не спрашивал больше. Изменился он с того времени. Ясный стал. Сосредоточенный. Пока он метался, он мне люб был, я думал – от неприятностей подался он к нам. А когда увидел его другим... Он, значит, дважды хотел меня обойти. Я ведь кто? Нуль. Он приехал к нулю и безо всего тут опять хотел подняться.

Жар прежней злости еще сквозил в его словах, но голос его звучал ровно и печально. Что-то бесстыдное и тягостное было для Щербакова в этих спокойно произносимых признаниях.

– Послушайте, Челюкин, при чем тут вы? – сказал Щербаков. – Зачем вы тут возникаете?

Челюкин поднял очки, маленькие глазки его смотрели колко и сухо.

– Ничего не поделаешь, без меня не получите. Считайте – взбесившийся гарнир. Осталось на тарелке немного холодного пюре... А Митю считали безумным. Оттого, что человек успокоился, просветлел, от этого он у нас кажется безумным. Новые картины его тоже повод давали. Я слухов этих не отвергал. Заслонить его хотел. С безумного какой спрос? Безумство его безобидное. Малюет, допустим, затылки. Я и в самом деле убеждал себя, что он того. Оправдание своей подлости делал.

– Что вы мне плачетесь? – сказал Щербаков. – Вашим признаниям теперь грош цена. Ничего они не стоят.

Опять вышло слишком резко, безжалостно, так, что Челюкин съежился, замолчал. Потом произнес удивленно:

– Отчего мне так тяжело? Значит, это ничего не стоит? – Он смотрел вверх, под потолок, в грязные пятна потеков. – Единственный шанс мне выпал в жизни – и тот упустил. А почему? Мы никак не смиримся, что другой человек может быть совсем не таким, как мы. – Он покачал головой. – Что же, Щербаков, будете делать с этим?.. Великовато для вас.

В мастерской еще не расходились, пили чай с вареньем. Фалеев тоненько пел «Летят утки», подпевали ему вразнобой, хмельно и мякло. Табачный дым колыхался над столом, было шумно, жарко. При появлении Щербакова все стало смолкать. Вид у него был оглушенный и несколько затуманенный, как будто его сильно стукнули по голове. Что с ним, никто не успел спросить, он начал сам, лунатически, каким-то растерянным голосом: «А вы знаете...» Другой бы подождал, пришел в себя; спросили бы – ответил; всегда выгоднее отвечать на вопросы, чем навязываться со своим рассказом. Но в ту пору Щербаков еще был доверчив и не понимал выгоды. Терпения ему не хватало.

Слушали его с любопытством. Про то, как Малинин уехал, провел последние годы на Урале, в городке, где Челюкин заведовал художественной школой. Там Малинин уединился, стал работать, ничем не позволяя себе пользоваться от прошлого, даже внешность изменил. Челюкин устроил его работы на областную выставку. Разразился скандал. Впрочем, Малинина это мало огорчало, он был занят своими поисками. К сожалению, Щербаков не сумел объяснить, в чем состояли эти поиски. И что за городок на Урале – не упомянул, как-то прослушал и то, под каким псевдонимом работал Малинин, все это в разговоре с Челюкиным представлялось не важным,

Ты взвешен на весах... Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru теперь же вызывало законные вопросы. Щербаков отмахивался от них, и рассказ терял убедительность. Кто-то засмеялся – может, он разыгрывает их? Алла уговаривала его выпить крепкого чаю. Он почувствовал, что ему не верят, и сбился. Он не понимал, для чего им нужны адреса, фамилии, все это только мешало, разве это важно, подробности можно выяснить у того же Челюкина. Отправились за Челюкиным, но найти его не могли.

После чая Щербакова развезло. Он вытирал губы от набегавшей слюны и говорил все громче:

– Проститься с миром! Без сожаления! Понимаете? Раз Челюкин признал себя ничтожеством, я ему верю. Тогда ответьте, где же пребывал Малинин последние годы, а? Опровержение имеется? То-то!

Тут Фалеев, кисло кривясь, заметил – мало ли что наплетут безответственные типы вроде Челюкина. Следует критически относиться к такого рода измышлениям. Многие теперь будут клеиться к имени Малинина, не постесняются. Ишь ты, какую криминальную историю расписал. Ну да она рассчитана на легковверных, на тех, кто плохо знал Малинина, его жизнелюбство... Говорил он тоном посвященного, но без насмешки, даже как бы выручая Щербакова, пробуя все закруглить в анекдот, а как анекдот, преподнесенный Щербаковым, такая версия допустима и может служить предметом веселых обсуждений. От Щербакова требовалось вздохнуть, посмеяться. Он же повел себя бестактно, заспорил с Фалеевым, доказывая, что все так и было, хотя никаких доказательств не приводил. Размахивая руками, разбил фужер, и тогда Фалеев постучал пальцем по столу и сказал строго, что имя Малинина отныне принадлежит истории нашего искусства и трепать его никому не будет позволено.

Алла тащила Щербакова прочь от Фалеева.

– Не принимайте его всерьез, – уверяла она, – поддали они там.

«Не принимайте всерьез» – более всего обидело Щербакова. Среди этих красных, лоснящихся, поглупевших от водки физиономий он не находил ни одной, где мелькнуло бы хотя бы сочувствие. У него не было здесь друзей. Жалость к себе пронзила его – ни одного друга, в сущности, нигде у него нет, друга, которому интересны его чувства и мысли. Господи, как он одинок! Накрашенное лицо Аллы расплылось.

– Кто из вас на такое способен? Никто! – выкрикнул он. – Вставил вам Малинин фитиль! Не нравится?

От увещаний он пуще расходился, совсем по-пьяному куражась, так что пришлось вывести его. Сделал это Андрианов, единственный, кого Щербаков послушался.

На улице было светло от снега. Белизна, еще непривычная глазу, замалевала газоны, крыши, деревья, подоконники. Стало празднично чисто, город словно прибрался. Андрианову расхотелось возвращаться назад.

– Пойду домой, – сказал он. – Черт с ними. Поминки долгие, память короткая. Алку я предупредил, она Фалееву объяснит, что ты из-за нее взбеленился; Заревновал. Потому что с Фалеевым лучше не связываться, он из тебя любой гибрид сделает.

На улице было тихо, шагов не слышно. Это от снега, – сообразил Щербаков и обрадовался своей догадливости.

– А чего он грозится?

– Потому что ты, дурила, замахнулся на источник его существования. Ну к чему Фалееву твоя сомнительная история?

– Ты, значит, тоже не веришь?

Андрианов поиграл зонтиком, промурлыкал:

Верила, верила.  
А на себе проверила.

Потом сказал, посмеиваясь:

Ты взвешен на весах... Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

– Ну, верю, что дальше?

– Почему же ты не вмешался? Ведь это событие. Оно все меняет.

– Ничего не меняет. Тут не знаешь, как самим собой остаться, свое бесценное «я» сохранить. Нет, дорогуша, все это фантазии. Открывать в себе другую личность! Могу таким, могу этаким, – задразнился Андрианов, – могу новую жизнь начать, ах, сколько во мне всего... Жизнь нельзя начинать сначала, ее продолжать можно, – твердо, с раздражением подытожил Андрианов. – Ясно тебе?

– Но Малинин сумел. Он-то начал сначала.

– И что? – прикрикнул Андрианов. – И что?.. Пшик! Что получилось? Пшик! Так ему и надо. Я говорил ему! И поделом.

– Это за что так?

Андрианов не отвечал, с силой тыкал зонтиком снег, оставляя темные дырки. Никогда он еще не был таким. Было привычно, что Андрианов неуязвим, все скатывалось с него бесследно. Блестящий и непромокаемый, как клеенка, – подтрунивал Щербаков, втайне при этом завидуя и восхищаясь им.

Некоторое время они шли молча. Щербаков дышал глубоко, трезвея от морозного воздуха.

– В конце концов, дело не в результате, – сказал он, – дело в идее.

– Ах ты птичка-алкоголичка! Витатель ты. В нашем деле, заруби себе, все решает результат... Сам он не добился и нам не дал. Я ему простить не могу.

– Чего?

– По его милости мы заказа лишились. Какой заказ уплыл! Дворец молодежи оформлять! Чуешь? Верная премия светила. Всей группе. Отказался. Видите ли, это не соответствовало его поискам. Эта старая задница искала иное самовыражение. Так его растак. Только о себе думал, о себе неповторимом, единственном.

– Нет, ты не прав, он не обязан был...

– Ему-то что, он все получил, обожрался, видите ли, захотел по второму кругу пройти... Спеси больше, чем таланту. Чего дадено, за то и благодари.

Красивое лицо его перекошилось, он совсем не походил на того Андрианова, которого все любили и который всех любил, который был счастливчиком, баловнем судьбы, не нажившим себе врагов, – прекраснейшее исключение в этом мире.

– Ну знаешь, это как расценивать... – Но вдруг Щербаков остановился, пораженный догадкой. – Подожди-ка, значит, ты знал?

– Аа-а, про это... – Андрианов усмехнулся зло. – А ты, тятя, думал, что никто ничего? В наше время не укроешься.

Слова его значили, что, может, и другие, тот же Фалеев, знали, но виду не подали, кивали, удивлялись, выпрашивали. Самообладание этих людей, непроницаемость их ужаснула Щербакова.

– Как же ты мог, когда надо мною... – он смотрел на Андрианова по-новому, со страхом.

– Ко мне не вьжись, – предупредил Андрианов с металлическим холодком. – Если при жизни Малинин считал нужным скрывать какие-то вещи, то нечего ковыряться и болтать. Есть Малинин, есть его работы, остальное не наше дело.

Не мигая, Щербаков смотрел прямо перед собою, чувствуя слезы в глазах. Они стояли там, постыдные, детские слезы, он ничего не мог поделать с «собой».

– ...Ты поверил этому чайнику уральскому? Тогда тем более не суйся. Был Малинин

Ты взвешен на весах... Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru стал Немалинин. И не надо их путать. Не надо, – чеканил Андрианов. – Малинин – мой учитель. Твой тоже, кстати. Учитель – это марка. Родословная. Фирма. Родословная должна быть чистой.

Они вышли на проспект. Горели высокие фонари. Снег был затоптан. Дул ветер. Щербаков вытер глаза, откашлялся.

– Чего ж тут плохого? История эта украшает биографию Малинина. Конечно, если успех мерить премиями...

– Уймись, – оборвал его Андрианов. – О каком успехе ты говоришь? Хочешь, дадим тебе командировку творческую? Поезжай, убедись. – Он был снова весел, красив, и глаза его приветливо лучились.

Три года спустя открывали мемориальную доску на доме, где жил Малинин. Движение на улице было перекрыто. Пришли пионеры, студенты, представители предприятий. Щербаков стоял у трибуны и разглядывал толпу. Челюкина не было. Щербаков и не ждал увидеть его, и все же искал, просматривая ряд за рядом. Выступал Фалеев. Он раздался вишьрь, голос его загустел, облачка пара вылетали из его рта то маленькие, то побольше и таяли на искристом морозце. Наверху, в синем небе, плыли такие же круглые облачка. Доска была толстая, из серого гранита, чувствовалась ее тяжесть. На доске, чуть выступая, белел барельеф – строгий профиль Малинина, классически правильный, как на камее. Почему-то в памяти Щербакова всплыло – «ты взвешен на весах и найден очень легким», это звучало как стих.

– Выглядит вполне, – сказал Андрианов.

– Сделано со вкусом, – подтвердил Щербаков и наклонился к Андрианову. – Я иногда думаю, почему он не вернулся... Если не получалось, мог сюда вернуться? А он и не собирался. Что-то, значит, ему светило.

– Лучше бы ты думал над своими делами, – сказал Андрианов. – Кто же персональную выставку в кинотеатре устраивает. Не серьезно. Ты обратись к Нине Гургеновне, я ей скажу.

Цоколь малининского дома вскоре выложили коричневой плиткой, доску перевесили к воротам, освободив место для вывески блинной. Сама блинная заняла весь нижний этаж. Оттуда всегда валит пар и слышна музыка. Поэтому, когда Щербакову предложили бывшую мастерскую Малинина, он отказался. Антресоли были уже убраны, бронзовые ручки сняты... И слишком шумно внизу. Истинная причина, однако, состояла в чувстве, которое охватило его среди этих стен. Не по себе ему стало. Как будто что-то ему тут могли сказать или сам он должен был что-то сказать, спросить, сделать, а что именно – не знал.

Мастерскую Щербаков получил в новом квартале, огромную, двухсветную, с квартирой, – кстати, неподалеку от переезда, за которым начинается кладбище.

Весной Щербаков иногда приходит туда. Всякий раз долго путается в узких аллеях надгробий и памятников. Отыскав могилу Малинина, он садится на скамейку и задумчиво смотрит на тесное нагромождение разных памятников, дорогих и скромных, ухоженных и забытых, безвкусных и строгих, вся эта мешанина заботливо и одинаково присыпана прелым бурым листом. Напротив огромное многоэтажье белых корпусов, сотни окон.

Поют, заливаются птицы, и Щербаков незаметно начинает мечтать, как он уедет в маленьким городишко, в какую-нибудь глухомань, и будет там писать всякую всячину без мыслей о выставке и заказах. Думать об этом приятно и грустно. Он вспоминает историю с Малининым, все то, что рассказал Челюкин, но, странно, история эта кажется ему все сомнительней, поступок Малинина стал вовсе необъяснимым. И все же что-то тревожит и досажает Щербакову, особенно здесь, у этого надгробия. Следовало бы съездить туда, к Челюкину, хотя, наверное, его уже нет в живых. Да и было ли все это? Он сидит, сняв шапку, на теплом солнце и чего-то медлит, ждет, зная, что потом будет ругать себя за впустую потраченное время.

1982

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://granikdaniel.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,

Ты взвешен на весах... Даниил Александрович Гранин [granikdaniel.ru](http://granikdaniel.ru)  
недвижимость. Здоровый образ жизни.  
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет  
магазин обуви Интернет магазин  
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных  
сайтов. Интеграция, Хостинг.  
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография  
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>  
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!